

11. **Словарь русского языка** : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т русского языка; [под ред. акад. А. М. Прохорова]. – М. : Сов. энцикл., 1981. – Т. 4. – 1600 с.
12. **Трнка Б.** К дискуссии по вопросам структурализма / Б. Трнка // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – Ч. 2. – М. : Гос. учебно-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1960. – С 100–111.
13. **Leibniz G. W.** De organo sive arte magna cogitandi / G. W. Leibniz // Opuscules et fragments ineditis, éd L. Couturat. – Paris, 1903. – 430 p.
14. **Pascal B.** Ouvres Complètes / B. Pascal. – Paris, 1963. – 350 p.
15. **Serrus Ch.** Traité de logique / Ch. Serrus. – Paris, 1945.
16. **Wierzbizka A.** Lexicography and conceptual analysis / A. Wierzbizka. – Ann Arbor : Karoma, 1985. – 368 p.

Надійшла до редколегії 01.06.10

УДК 811.161.1'36.7

И. И. Меньшиков

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гочара

ТИПОЛОГИЯ РЕСПОНСИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (к постановке вопроса)

Відповідно до комунікативного завдання висловлювання виділено особливий тип речень, які кваліфіковані як респонсивні. Здійснена типологічна класифікація респонсивних речень у сучасній російській мові.

Ключові слова: питання, відповідь, респонсивне речення, типологія респонсива.

В соответствии с коммуникативным заданием высказывания выделен особый тип предложений, квалифицированных в качестве респонсивов. Осуществлена типологическая классификация респонсивных предложений в современном русском языке.

Ключевые слова: вопрос, ответ, респонсивное предложение, типология респонсива.

A special type of sentences qualified as responsive ones has been separated according to the message communicative task. The typological classification of responsive sentences is effected in modern Russian.

Key words: question, answer, responsive sentence, typology of response.

Метаязык синтаксиса, языкового уровня, на котором приводятся в действие и приобретают свою функциональную специализацию все единицы и средства языка [12, с. 547], остаётся до сих пор чрезвычайно проблематичной составляющей и теоретической, и прикладной лингвистики. Система дефиниций даже основных синтаксических категорий и понятий, в том числе речевых построений, непосредственно связанных с актом коммуникации, далеко не в полной мере отвечает не только своему прямому назначению – толкованию и дифференциации указанных лингвистических фигур, но и самым общим требованиям, предъявляемым к определениям научного термина, – специализации этих определений и их максимально возможной точности. Этому, разумеется, есть свои причины как субъективного, так и объективного характера, связанные, в частности, и с относительно недавним по сравнению, скажем, с морфологией становлением синтаксиса как самостоятельного раздела собственно грамматики (в русистике это происходит лишь в XIX столетии), и – что самое главное – с огромным объёмом речевого материала, непосредственно находящегося в компетенции синтаксиса и оформленного в виде речевых цепей и

их грамматически значимых фрагментов, квалифицированных лингвистами в качестве тех или иных синтаксических единиц [8, с. 65].

Обозреть и проанализировать весь речевой материал невозможно даже теоретически, а отсюда вполне логично допустить, что какие-то возможности языка, какие-то потенциальные речевые образования остаются и, надо думать, всё время будут оставаться вне поля зрения лингвистов. Естественны в связи с этим и определённые пробелы в метаязыковых построениях синтаксиса, и в частности в типологии предложений, традиционно подразделяемых по цели высказывания на три класса: повествовательные, вопросительные и побудительные. На этот счёт мы и выскажем некоторые свои соображения.

Проблематичность классификации предложений по их коммуникативному заданию (цели высказывания, целенаправленности сообщения, установке сообщения) объективно каузирована целым рядом факторов, но, если не выходить за рамки синтаксического уровня структуры языка и грамматики в целом, можно, по видимому, свести эти факторы к двум основным: 1) к степени полноты и адекватности соответствующей типологической системы и 2) к её внутренней организации, к соотносённости плана выражения и плана содержания компонентов этой системы, однозначной или диффузной маркировке предложений с разным коммуникативным заданием. Обратимся сначала ко второму из указанных факторов как к метаязыковой проблеме.

Прямая корреляция формальной организации и целевой установки предложений с разным коммуникативным заданием – явление, казалось бы, не только нормативное, но и обязательное, и русский язык располагает самыми различными средствами выражения модальности как на письме, так и в устной речи. Однако далеко не всегда целевая установка высказывания оформляется соответствующими языковыми средствами, а эти средства, в свою очередь, не всегда используются по назначению. Типичен для русского языка, например, невыраженный императив типа *Здесь сквозит; Вы мне загораживаете экран; Программа не вводится* и т. п. [7, с. 46–47], когда к тому или иному действию участников акта коммуникации побуждают повествовательным предложением. Во множестве вопросительных предложений выделяется довольно обширное подмножество предложений со вторичными функциями, т. е. предложений, направленных не на поиск информации, а на её передачу, на непосредственное сообщение о чём-либо [10, с. 394]. Да и сама установка на получение каких-то сведений может быть реализована не только в вопросительном, но и в побудительном, а также в повествовательном предложении: *Когда ты вернёшься? Скажи, когда ты вернёшься. Скажи мне о времени своего возвращения. Хотелось бы мне знать, когда ты вернёшься. Ты должен сейчас же мне сказать о времени своего возвращения* и т. п. При этом существует ещё и целый класс синкретических образований, таких, скажем, как вопросительно-побудительные предложения и вопросительно-повествовательные предложения как родовые, по А. М. Ломову, наименования для вопросительно-утвердительных (*Кому не приходилось иметь дело с дураками?*) и вопросительно-отрицательных предложений (*Кто же устоит перед таким соблазном?*) [6, с. 45–46].

Налицо, таким образом, несостоятельность или, как минимум, расплывчатость, некорректность существующей формальной маркировки коммуникативного задания высказывания, а соответственно, и некорректность квалификации предложений как повествовательных, вопросительных и побудительных только по их субстанциональным параметрам. Ведущими здесь, по всей вероятности, должны быть параметры функциональные независимо, в частности, от того, какие правила пунктуации или нормы произношения этим параметрам должны сопутствовать и реально сопутствуют. Актуализация же функциональных параметров при классификации

предложений по цели высказывания потребует, очевидно, более тщательного анализа принципов построения рассматриваемой типологической системы, определяющих количество и характер типов коммуникативных единиц, формируемых в соответствии с их коммуникативным заданием.

Наряду с, казалось бы, вполне устоявшимся и общепринятым членением предложений по цели высказывания на повествовательные, вопросительные и побудительные [3, с. 353], в современном языковедении представлены, причём на уровне академических изданий, и иные концепции как с меньшим, чем три, так и с большим, чем в традиционной системе, количеством основных типов предложений, различающихся по цели высказывания. Так, Н. Ю. Шведова считает возможным ограничиться только двумя такими типами: невопросительными и вопросительными. При этом и первые и вторые членятся далее на различные подтипы, и в рамках невопросительных предложений различаются, в частности, предложения повествовательные, побудительные и предложения со значением желания, под которыми понимаются предложения, выражающие «эмоционально-волевое устремление к тому, чтобы что-либо осуществлялось, существовало» [10, с. 88].

Вопросительные же предложения подразделяются на два функционально-семантических типа: на вопросительные предложения с первичными функциями, когда вопрос направлен на получение ответа, и на вопросительные предложения со вторичными функциями, когда вопрос направлен, как уже было отмечено выше, не на поиск информации, а на её передачу [10, с. 394]. В каждом из указанных типов вопросительных предложений есть ещё и своя рубрикация более частного характера. Встаёт невольно вопрос о том, сколько всё же у Н. Ю. Шведовой основных типов предложений по цели высказывания – два: невопросительные и вопросительные (или повествовательные и вопросительные [4, с. 545]) – или пять: повествовательные, побудительные, желательные, вопросительные с первичными функциями и вопросительные со вторичными функциями? А сколько их вообще должно быть? В энциклопедии «Українська мова», например, по цели высказывания предложения членятся на четыре типа: повествовательные, вопросительные, побудительные и оптативные [12, с. 442]. Последние, правда, как и желательные предложения типа *Как было бы хорошо, если бы он был учителем! Хочу покоя. Мечтаю, чтобы он стал учителем* [10, с. 88], с нашей точки зрения, не имеют сколько-нибудь убедительной формальной маркировки.

Своеобразная классификация высказываний по их коммуникативной цели, как это засвидетельствовано в Лингвистическом энциклопедическом словаре, осуществлялась античными философами. Так, у стоиков предложения членились на отрицательные и утвердительные, общий и частный вопрос, повеление, заклинание, клятва, высказывание-обращение. Несколько раньше Аристотель различал такие высказывания, как утверждение, отрицание, повествование, побуждение. А ещё раньше (5 в. до н. э.) Протагор подразделял предложения на вопрос, ответ, поручение, просьбу [5, с. 449]. Большинство из названных типов предложений можно соотносить и с современной классификацией высказываний по их коммуникативному заданию, а также по модальности. Однако был у античных философов маркирован целый ряд коммуникативных единиц, имеющих определённую целевую установку, но не выделяемых современными языковедами в отдельные типы предложений. И это, в частности, если не выходить за пределы уже упомянутых номинантов, – **заклинание, клятва, ответ**. Лингвистически значимым из трёх этих терминов является, с нашей точки зрения, только последний, и мы можем предметно поставить вопрос об ответных предложениях и их типологии.

Словарь русского языка первое значение слова *ответ* толкует следующим образом: «Вызванные вопросом или обращением слова (слово), заключающие в

себе подтверждение или отрицание чего-л., сообщение о чём-л. и т. п.» [11, с. 667]. В свою очередь, *ответный* – это «являющийся ответом (в 1 знач.), заключающий в себе ответ» [11, с. 668]. Указанное прилагательное имеет и терминологическое значение, с которым оно вошло в Словарь лингвистических терминов О. С. Ахмановой и дефинировано так: «Определяемый (вызываемый) предыдущим членом сверхфразового единства, несамостоятельный. *Ответное предложение. Ответная реплика*» [1, с. 298]. Введен, таким образом, хотя и косвенно, сам термин **ответное предложение** с недостаточно чётким, однако, его содержательным наполнением и, вероятно, поэтому (не исключено, естественно, что не только поэтому) не включённый в существующую систему классификации предложений по цели высказывания. Вполне реально, надо думать, и коммуникативная ситуация, в которой ответное предложение как предложение со своей специфической целевой установкой выступает в качестве функционально значимой синтаксической единицы, противопоставленной синтаксическим же единицам с иным коммуникативным заданием.

Обращаясь к типологии предложений, заключающих в себе ответ на тот или иной вопрос, мы предпочитаем использовать для такого рода конструкций термины **респонсивное предложение** и **респонсив** (от английского слова *response*, означающего *ответ; ответное чувство; отклик; реакция* и включающего в себя первые значения слов *answer* и *reply*). Соотносим мы респонсивы, естественно, только с вопросительными предложениями в их первичной функции. Что же касается конституирующих признаков респонсивного предложения, определяющих его место в системе основных типов коммуникативных единиц и противопоставляющих такое предложение всем другим синтаксическим построениям, формирующимся в зависимости от цели высказывания, то соответствующие функциональные и структурные параметры респонсивов проявляют себя разным способом и поэтому где-то пересекаются с параметрами повествовательного, вопросительного и побудительного предложения, а где-то радикально отличаются от них. Укажем сначала на две наиболее существенные особенности респонсивного предложения, которые можно квалифицировать в качестве абсолютных дифференциальных признаков этой лингвистической фигуры.

Специфика респонсива чётко проявляет себя ещё на предкоммуникативном уровне, т. е. ещё только при получении стимула для генерации высказывания. Дело в том, что, несколько обобщив известное суждение Л. Блумфилда о наличии при речевом общении расчленённой структуры: стимула говорящего и реакции слушающего – и о том, что язык позволяет одному человеку осуществить реакцию, когда другой имеет стимул [2, с. 37–38], указанную структуру мы не расчленяем, а как частный случай её реализации фиксируем совмещение реакции и стимула у одного участника акта коммуникации, когда сам говорящий получает стимул для общения и сам же на этот стимул реагирует, в том числе и вербально. Соответственно и стимул может быть, как у Л. Блумфилда, практическим, связанным с какими-то физическими процессами или явлениями, в том числе вызванными говорением, и речевым (замещающим) [2, с. 39], вербальным. И вот что мы получаем, сопоставляя комплекс стимулов и реакций при генерации предложений с разным коммуникативным заданием:

Предложение	Стимул		Реакция	
	практический	вербальный	практический	вербальный
Повествовательное	+	–	+	–
Побудительное	+	–	+	–
Вопросительное	+	–	–	+
Респонсивное	–	+	–	+

Респонсив, как мы видим, противопоставлен всем остальным типам предложений по характеру стимула, получаемого говорящим: практического при сообщении, волеизъявлении и задаваемом вопросе, но вербального при ответе на поставленный вопрос. Противопоставлено респонсивное предложение повествовательному и побудительному ещё и по характеру отражённой в нём реакции говорящего на полученный стимул. Реакция эта, если она вообще имеет место, как правило, тоже вербальная. Следствием такой же реакции являются и вопросительные предложения, что вполне закономерно, поскольку система *вопрос-ответ* обычно оформляется в языке как коммуникативное единство. При отсутствии в этой системе вербальной реакции хотя бы у одного из её компонентов, прерывается процесс речевой коммуникации.

Вторым абсолютным дифференциальным признаком респонсивного предложения, глубинно связанным и с первым, является тот непреложный факт, что респонсивное предложение в естественных условиях общения не может существовать как отдельная самостоятельная коммуникативная единица. Оно обязательно входит – и это отмечено в приведенной выше цитате из Словаря лингвистических терминов О. С. Ахмановой – в состав какого-то более крупного синтаксического образования, и в частности в состав сложного синтаксического целого, содержащего в себе вопрос, каким бы этот вопрос ни был по своему назначению и характеру. Невозможны вне сверхфразового единства высказывания типа *Нет; Когда-нибудь; Вчера; Не знаю; Только с мамой* и т. п. Коммуникативно не детерминированными окажутся и более развёрнутые конструкции (*Нет, я ходила вчера в кино только с мамой*), если подобным синтаксическим образованиям не предшествует какой-то вопрос. И только в сверхфразовом единстве, таком, скажем, как *Вчера вы всей семьёй совершали культпоход в кинотеатр? Нет, я ходила вчера в кино только с мамой* подобные конструкции являются функционально значимыми.

Итак, налицо определённая специфика респонсивных предложений, специфика как внутреннего, содержательно-функционального плана, так и плана внешнего, касающегося структурной организации речевых цепей, включающих в себя респонсивы. Налицо, таким образом, два, как минимум, дифференциальных признака, противопоставляющих респонсивы всем остальным типам предложений. Типична для респонсива и редукция.

Ответ на поставленный вопрос – это, как правило, неполное предложение. Коммуникативное задание вопросительных предложений, по Е. А. Брызгуновой, – выяснить неизвестное, т. е. из ряда неизвестных выбрать что-либо определённое и представить его в ответе [10, с. 397]. Ответ, следовательно, ориентирован прежде всего на актуализацию проблематичного фрагмента вопросительного предложения и, надо полагать, не востребован в его тавтологической составляющей. Можно, конечно, на вопрос типа *С кем это ты вчера вечером целый час сидел на лавочке возле подъезда своего дома?* ответить и так: *Это я вчера вечером целый час сидел на лавочке возле подъезда своего дома с твоей сестрой* или *Это я вчера вечером целый час один сидел на лавочке возле подъезда своего дома*. Однако такие тирады, скорее всего, будут восприняты не как ответы на поставленные вопросы, а как скрытая издёвка или намёк на нежелание разговаривать на эту тему. Ответы же типа *С твоей сестрой; Ни с кем; Один*, которые, разумеется, в зависимости от ситуации общения и настроения собеседников могут быть так или иначе расширены, в том числе и с привлечением уже фигурирующей в заданном вопросе лексики (*Конечно же, с твоей сестрой; Как всегда, ни с кем; По вечерам на лавочке я сижу один* и т. п.), окажутся приемлемыми, коммуникативно достаточными и коммуникативно значимыми.

Можно указать ещё на ряд частных особенностей респонсивного предложения, непосредственно связанных с его коммуникативным заданием, но сопутствующих в отдельных случаях не только респонсивам, но и высказываниям с иной целевой установкой, таких, например, особенностей, которые проявляют себя при коммуникативном саботаже (вопрос на вопрос; подмена вопроса; игнорирование вопроса и т. п. [9]), однако и названных лингвистических параметров респонсивного предложения, по нашему мнению, достаточно, чтобы рассматривать такое предложение как отдельный компонент системы коммуникативных единиц, квалифицируемых по цели высказывания, компонент со своей типологией. И ниже мы приводим один из вариантов такой типологии.

Прежде всего респонсивные предложения можно расчленить на два основных класса, и подобно тому, как в системе вопросительных предложений выделены два функционально-семантических типа с первичными и вторичными функциями этих предложений [10, с. 394], все респонсивы мы подразделяем на **функциональные** и **нефункциональные**, т. е. респонсивные предложения, так или иначе отвечающие на заданный вопрос, и респонсивные предложения, в которых целевая установка собеседника игнорируется. Так, на вопрос *Ты законспектировал заданную статью?* ответом может быть и функциональный респонсив типа *Да; Конечно; И не думаю* и т. п., и респонсив нефункциональный, такой, скажем, как *А тебе какое дело*.

Нефункциональный респонсив естественно, как нам кажется, подразделить на предложения, содержащие собственно отказ (прямой или завуалированный) ответить на заданный вопрос, и предложения, с помощью которых отвечающий возвращает своего собеседника к вопросу и пытается этим вопросом манипулировать. Прямой отказ ответить на какой-то вопрос может прозвучать как *Не знаю; Не имею права говорить об этом* и т. п. Завуалированный отказ – это отказ типа *Тебя это не касается; Кто его знает?* и т. п. И в том и в другом случае налицо попытка прекратить диалог.

Возвратить собеседника к поставленному им вопросу можно не только с помощью респонсивов типа *Не слышу* или *Что вы сказали?*, но и таким, например, образом:

- *Садиста нашего здесь нет? – Это Вы о директоре?*
- *Почему Вы так рано? – Разве нельзя?*
- *Ревнуете к своему соседу? – Не надо сейчас шутить.*

Ответа на вопросы соответствующие респонсивные предложения не содержат, но диалог ими не завершается и может быть направлен отвечающим в то или иное русло либо уже по его собственной воле, либо в силу каких-то обстоятельств, возникших при общении и требующих разъяснения.

Респонсивные предложения, заключающие в себе отказ от ответа на поставленный вопрос, можно назвать **саботирующими** респонсивами, которые, в свою очередь, могут быть подразделены на **прямой отказ** и **завуалированный отказ**, а предложения, возвращающие спрашивающего к его вопросу, – **манипулирующими** респонсивами с такими двумя их разновидностями: респонсивом, формально **не требующим** каких-то **дополнений** к вопросу (*Что вы сказали?*), и респонсивом, **требующим дополнительной информации** для ответа на заданный вопрос по существу (*Это Вы о директоре?*).

Функциональный респонсив гораздо разнообразнее нефункционального, но и его в коммуникативном плане можно подразделить сначала на два основных типа: **содержательный** респонсив и **формальный** респонсив. Содержательный респонсив представляет собой предложение, ответ в котором выражен конкретным лексическим материалом, прямо или косвенно соотносящимся с запрашиваемой в вопросе информацией. Так, на поставленный выше вопрос *Ты законспектировал задан-*

ную статью? варианты ответа в форме содержательного респонсива могут быть, например, такими: *Законспектировал; Ещё вчера; Мне ещё этого не хватало* и т. п. Формальный респонсив – это семантически не конкретизированное сообщение универсального характера, не выходящее за рамки актуализированной в вопросе информации и дающее на него лишь самый общий, как правило, положительный или отрицательный ответ. На наш вопрос, как и на любой другой такого же типа, формальными респонсивами будут, например, такие ответы: *Да; Конечно; Нет* и т. п.

Формальный респонсив коммуникативно значим тогда, когда в вопросе нет прямого antecedента в виде, скажем, вопросительного слова типа *кто, когда, почему* или вопросительной конструкции, требующей от респонсивного предложения выхода за пределы содержащейся в вопросе лексики. Представить формальный респонсив можно тремя его основными разновидностями: **утверждающим** с прямым и косвенным утверждением, **отрицающим** с теми же двумя его вариантами и **обуславливающим**, когда вместо ответа сообщается о каких-то обстоятельствах, сопутствующих утверждению или отрицанию. На наш вопрос о конспектировании статьи соответствующие респонсивные предложения могли бы прозвучать следующим образом: 1) *Да; Разумеется; Конечно;* 2) *Нет; И не думал; Оно мне надо;* 3) *Если бы у меня было на это время; Я болел.*

Содержательный респонсив заключает в себе затребованную вопросом информацию в том или ином её объёме, с той или иной степенью её адекватности и интерпретируемости, и мы можем выделить по меньшей мере три типа соответствующих предложений: **тавтологический** респонсив, респонсив **эвристический** и респонсив **латентный**. Тавтологическое респонсивное предложение строится на основе лексики вопроса, зачастую лишь просто воспроизводя её. Таким предложением в нашем примере будет ответ типа *Законспектировал* или *Заданную статью законспектировал*. Эвристическое включает в себя новые, подобранные специально для ответа на поставленный вопрос слова и словосочетания. В нашем случае это мог быть ответ *Только наполовину* или *Ещё неделю назад*. В латентном респонсive, уже по определению представляющем собой скрытый, завуалированный ответ на поставленный вопрос, лексический материал вообще может непосредственно не соотноситься с лексикой вопроса, как, скажем, в ответе типа *Тож же мне статья* или *Куда же студенту деться*.

Тавтологический респонсив может оказаться **простым**, включающим в себя только лексику вопроса, пусть даже конвертированную, и **дополненным**, когда в ответе, наряду с лексикой вопроса, наличествуют ещё и другие слова, не затребованные характером вопроса, а включённые в него по воле отвечающего. Простой тавтологический респонсив может быть минимальным (В нашем примере – *Законспектировал*), расширенным (*Заданную статью законспектировал*) и модифицированным (*Я законспектировал* или *Не законспектировал*). Дополненный тавтологический респонсив есть, по-видимому, смысл подразделить на две его разновидности: модально дополненный (*Конечно же, законспектировал*) и информативно дополненный (*Законспектировал и даже уже сдал*).

Новая лексика, как и общее содержание, эвристического респонсива, в принципе, затребованы вопросом, но жёстко не регламентированы им. Отвечающий сам в зависимости от наличия или отсутствия в вопросе анафоры, в зависимости от актуализируемого фрагмента вопросительного предложения, а также в силу своей осведомлённости и прагматической установки общения выбирает как лексическое наполнение, так и форму генерируемого им респонсивного предложения. И в этом плане вполне логично, с нашей точки зрения, респонсивное предложение, непосредственно соотносящееся с анафорическим компонентом вопроса, назвать **анафорическим** респонсивом, а ответ, не ориентированный на анафору или отвле-

кающийся, уводящий от неї, квалифицировать как респонсив **перифразированный**. Анафорический респонсив, в свою очередь, может быть элементарным (одна анафора в вопросительном предложении) и осложненным (две и более анафоры) и при этом может включать в себя и лексику вопроса. Два примера элементарного анафорического респонсива:

– *Где ты был?* – *На стадионе.*

– *Как тебя зовут?* – *Меня зовут Яков.*

Простейшие примеры осложнённого анафорического респонсива:

– *Кто и к кому?* – *Коваленко к декану.*

– *Кто, куда и откуда?* – *Курьер в Киев из Ровно.*

Перифразированный респонсив, в принципе, может быть ответом на любой вопрос, в том числе и на вопрос с форсированной анафорой, но этот ответ, как правило, редуцирован либо в силу очевидности опускаемой его части, либо потому, что отвечающий предвосхищает последующие слова или действия собеседника, либо по каким-то иным причинам. Связь такого респонсива с вопросом всегда опосредована. Примеры:

– *Что ты хочешь?* – *Иди сюда.*

Ответом здесь является редуцированное респонсивное предложение вместо полного такого, например, строя: *Я хочу, чтобы ты подошёл сюда.*

– *У тебя бумаги много?* – *Бери, не стесняйся.*

Редукция респонсива, связанная с прогнозированием дальнейшего развития коммуникативной ситуации. Отвечающий, как это, по всей вероятности, и могло бы быть на самом деле, предполагает, что независимо от его ответа последует просьба взять какое-то количество этой бумаги. Отсюда и ориентация респонсивного предложения не на сам вопрос и не на ответ типа *Много; Не очень много* или *Мало*, а на предполагаемую просьбу, которая, скорее всего, последует за ответом.

– *Куда же ты дел зарплату?* – *Прожил.*

– *Где он?* – *Вот, посмотри.*

Ответ дан, но он перифразирован и не указывает в данном случае на запрашиваемую информацию о месте событий, о которых едет речь в диалоге.

Перифразированный респонсив и сам может быть оформлен как вопросительное предложение, оставаясь при этом функциональным, т. е. не переходя на уровень коммуникативного саботажа. Так, на вопрос первой из приведенных иллюстраций перифразированного респонсивного предложения *Что ты хочешь?* может прозвучать и вполне определённый, а не саботирующий ответ типа *Декан принимает?*, являющийся тоже вопросом как следствием редукции такой, например, конструкции: *Я хочу узнать, принимает ли сейчас декан.*

Наконец, латентный респонсив. Это, пожалуй, самый разнообразный как по форме, так и по содержанию тип респонсивных предложений, к тому же и наиболее интересный, по нашему мнению, в собственно коммуникативном плане. Прямого, а зачастую и косвенного ответа на поставленный вопрос в латентном респонсивном предложении нет, однако спрашивающий получает из такого предложения достаточно информации, чтобы определить своё дальнейшее поведение и сделать заключение либо по существу заданного вопроса, либо о том, что конкретного ответа ему ждать не следует. Характер содержащейся в латентном респонсиве информации и позволяет нам говорить о двух основных типах соответствующего высказывания – о респонсиве, **наводящем** на тот или иной ответ, т. е. содержащем в себе информацию, позволяющую выяснить коммуникативную позицию отвечающего, и о респонсиве **недетерминированном**, в котором такой информации нет. Пример наводящего респонсива:

– *Декан уже ушёл?* – *В кабинете нет, и бумаги со стола убраны.*

Прямого ответа на заданный вопрос не получено, но спрашивающий, надо полагать, сам решит, что декан всё же ушёл.

В модальном отношении наводящий респонсив чрезвычайно разнообразен и может заключать в себе и утверждение, и отрицание, и модальную индифферентность при ответе даже на один и тот же вопрос. Так, на вопрос типа *Принести тебе одеяло?* может последовать любой из следующих трёх ответов с разной модальностью: *Давно пора; Мне не холодно; Как хочешь.*

А вот примеры недетерминированного латентного респонсива:

– *Где декан?* – *Просил подождать.*

– *Вы кто?* – *К декану.*

Вопрос не проигнорирован, но ответ построен так, чтобы спрашивающий понял, что знать ему о месте пребывания декана (во втором примере имя собеседника) в данном случае необязательно и диалог на эту тему прекращён.

Латентный респонсив содержит в себе, как правило, какую-то дополнительную информацию, указывающую на отношение отвечающего к заданному вопросу, на степень его осведомлённости или заинтересованности в обсуждаемой теме и т. д., поэтому такой респонсив, как было указано выше, чрезвычайно разнообразен во всех отношениях и его дальнейшее членение потребовало бы выбора целого ряда самых различных оснований для соответствующей классификации. Поэтому мы считаем возможным ограничиться только двумя указанными классами латентных респонсивных предложений, полагая при этом, что практически все потенциальные подклассы как наводящего, так и недетерминированного респонсива так или иначе могут быть соотнесены со сформированными выше подтипами основных типов функционального содержательного респонсива (тавтологическим и эвристическим) и функционального формального респонсива (утверждение, отрицание, обусловленность). И вот несколько примеров:

– *Возьмут с него штраф?* – *Незаконно.*

– *Куда Вы?* – *Слышал, декан ищет себе заместителя.*

– *Что ты ему сказал?* – *А ты будто не догадываешься.*

– *Тут, наверное, холодно?* – *Это как платить будешь.*

– *Не рассердится ли он?* – *Пускай сердится.*

– *Ругать меня будешь?* – *Слова не услышишь.*

– *А если ему заплатить?* – *Тогда он будет молчать.*

– *Как ты смеешь?* – *Сам виноват* и т. п.

Всё это латентный респонсив самого различного по своему содержанию и значению характера, но с двумя обязательными и общими для всех латентных респонсивных предложений признаками: скрытым ответом на поставленный вопрос и наличием дополнительной, не затребованной вопросом информации.

Общая схема типологической классификации респонсивных предложений в предлагаемой нами интерпретации выглядит следующим образом:

Функциональный респонсив

Содержательный

Тавтологический

Простой (минимальный, расширенный, модифицированный)

Дополненный (модально, информативно)

Эвристический

Анафорический (элементарный, осложненный)

Перефразированный

Латентный

Наводящий

Недетерминированный
 Формальный
 Утверждение (прямое, косвенное)
 Отрицание (прямое, косвенное)
 Обусловленность
 Нефункциональный респонсив
 Собирающий
 Прямой отказ
 Завуалированный отказ
 Манипулирующий
 Не требующий дополнения вопроса
 Требующий дополнительной информации

Предложенная система – это первый, насколько мы осведомлены, опыт подобного рода типологии, не претендующий, конечно же, на решение всех проблем, связанных с выделением респонсива как особого типа предложений русского языка. Мы лишь хотим обратить внимание лингвистов на описанные выше функционально-конструктивные фигуры, квалифицируя при этом наши разработки прежде всего как постановку вопроса.

Библиографические ссылки

1. **Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энцикл., 1966. – 608 с.
2. **Блумфилд Л.** Язык / Л. Блумфилд. – М. : Прогресс, 1968. – 608 с.
3. **Грамматика русского языка** / под ред. В. В. Виноградова. – Т. 2. – Ч. 1. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 704 с.
4. **Грамматика современного русского литературного языка** / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1970. – 768 с.
5. **Лингвистический энциклопедический словарь** / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 686 с.
6. **Ломов А. М.** Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка / А. М. Ломов. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 416 с.
7. **Меньшиков И. И.** Прагматика невыраженного императива / И. И. Меньшиков // Прагматический аспект грамматической структуры текста : тез. выступлений на совещании / под ред. С. Ю. Никифорова и А. М. Шахнаровича. – М. : ИЯ АН СССР, 1988. – С. 47–48.
8. **Меньшиков И. И.** Курс лекций по основам информатики и прикладной лингвистики / И. И. Меньшиков. – Д. : РВВ ДНУ, 2007. – 152 с.
9. **Меньшиков И. И.** Приёмы коммуникативного саботажа в системе лингвистических фигур манипуляции общественным сознанием / И. И. Меньшиков // Філологічні науки : зб. матер. підсумкової наук. конф. викладачів / за ред. О. І. Панченко. – Д. : Пороги, 2008. – С. 84–86.
10. **Русская грамматика** / под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 2. – М. : Наука, 1980. – 710 с.
11. **Словарь русского языка** : в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981–1984. – Т. 2. К–О, 1982. – 736 с.
12. **Українська мова. Енциклопедія** / за ред. В. М. Русанівського, О. О. Тараненка. – К. : Укр. енцикл., 2000. – 752 с.

Надійшла до редколегії 20.01.09